

Молчание мигрантов

Петербургский комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики решил взять мигрантов под своё «крыло». «Под крылом Петербурга» – новый проект, на котором они могут проконсультироваться со специалистами различных организаций. В конце марта встреча прошла в Невском районе. Удалось ли организаторам найти подход к мигрантам и насколько охотно они сами шли на контакт – попытались узнать студенты Школы межкультурной журналистики.

**Алена
МАРЧЕНКО**

**Карашаш
НОГАЕВА**

**Илья
КАЛАШНИКОВ**

Никто не обидит

Бегущая строка над главным входом ещё раз всем напоминает: «Культурный центр Троицкий, малый зал: информационно-культурное мероприятие для мигрантов “Под крылом Петербурга”, вход свободный». Акция проходит уже в третий раз. Главная ее особенность в том, что это праздник и консультации по животрепещущим вопросам одновременно.

«На встречу в Калининском и Адмиралтейском районах некоторые приходили целыми семьями, – рассказывает организатор мероприятия, Вера Завадская. – Здесь люди могут получить ту информацию, которая необходима им и поможет адаптироваться в новых условиях. Мы надеемся, подобные акции понравятся мигрантам, и они будут передавать друг другу, что здесь им всегда рады, никто их не обидит, а наоборот помогут. Пока наши гости узнают о встрече в основном через

сотрудников районных администраций, социальные службы и работодателей».

– Здравствуйте, я их привёз, куда мне их передать? – нашу беседу с Верой прерывает молодой человек, который явно стремится поскорее уйти.

Зона комфорта

Мы идём искать собеседника среди мигрантов. На поиски такового уходит больше времени, чем можно было предположить. На попытки завязать беседу

каждый второй отвечает «не говорю по-русски», «не знаю», «не понимаю». Кто-то просто смущённо молчит и загадочно улыбается, пытаясь перевести внимание на товарищей. Вопрос о том, как они узнали о проекте, ставит многих в тупик. Многие ссылаются на начальника, кто-то упоминает Путина. Без ответа остался вопрос о том, с какой целью проводится акция и для чего они сюда пришли.

Немногочисленные женщины, которых можно пересчитать по пальцам одной руки, разговорчивее. Мубина из Самарканда получила листовку с приглашением в детский сад № 118, куда ходят её дети.

Продолжение на стр.2

Молчание мигрантов

Окончание. Начало на стр.1

Вместе с ними она пришла за консультацией по трудоустройству, а заодно на концерт. «Нам нужны такие встречи», – говорит Мубина.

Исмаил скоро уезжает из Петербурга,

«**На попытки завязать беседу каждый второй отвечает «не говорю по-русски», «не знаю», «не понимаю». Кто-то просто смущенно молчит и загадочно улыбается, пытаясь перевести внимание на товарищей»**

но на концерт пришёл. Он таксист. За лицензию таксиста нужно доплачивать тысячу в месяц, а если поймут без неё, оштрафуют, поэтому Исмаил всегда знакомится с пассажирами. Он в Петербурге с 18 лет, живёт в Сестрорецке, работает по 16 часов в день, спит по четыре. Уехал из Таджикистана без родителей, за пять лет их ни разу не видел. Зарабатывает «огромные» для его домашних деньги. Недавно ему позвонила мама и сказала,

что нашла ему невесту, надо ехать домой, чтобы играть свадьбу. Через неделю будет стоять в очереди в Пулково.

Организаторы «Под крылом Петербурга» мечтают помочь пришедшим интегрироваться в российское общество. Мечты столкнулись с реальностью: мигранты рассредоточились по углам небольшими группами товарищей по цеху, а то и по национальности, сохраняя границы своей мигрантской «диаспоры». Местный истеблишмент в лице районных депутатов и организаторов курсирует по более длинной траектории: от одного до другого соплеменника в центре маленького зала. Консультанты приглашённых организаций скучают за своими столами в ожидании редких гостей. Никто не хочет выходить за границы привычного ему общества. Все ждут окончания первой части, чтобы посмотреть концерт.

Спрос и предложение

Спросом пользуются в основном только два столлика – городской центр трудовых ресурсов и Красный крест.

Представительницу Красного креста Елену Нарыкову окружили со всех сторон. Она что-то объясняет на пальцах внимательно слушающим её мигрантам: рисует какие-то схемы на бумаге, по несколько раз повторяет одно и то же разными словами. Они жадно ловят каждое её движение и слово.

– У нас есть консультационный центр на базе единого центра документов, – рассказывает Елена, – Мы помогаем оформиться в ФМС, адаптироваться, оказываем моральную поддержку. В центре занятости, куда мы направляем людей, они могут рассмотреть вакансии. Чтобы купить патент на трудовую деятельность, мигрантам приходится тратить большие суммы и уйму свободного времени, а наш фонд проводит бесплатные занятия для подготовки сдачи экзаменов по русскому языку и истории России. Бывает, что приезжают люди с довольно высокой квалификацией, например, врачи. В Петербурге и так много своих кадров, а вот рабочие вакансии пустуют. И получается, что мигранты даже с высшим образованием зачастую занимают физические трудом.

– По большей части мы предлагаем рабочие вакансии. Люди заполняют анкеты,

на основе которых мы предлагаем им вакансии. В основном к нам обращаются люди из Средней Азии, – говорит представитель городского центра трудовых ресурсов для иностранных граждан.

За консультациями обращаются все, кто этого хочет. Остальное же большинство, не понимая, что происходит вокруг, так и остаётся неподвижно ждать второй части.

– «Под крылом Петербурга» – мероприятие новое, мигранты ещё ничего о нём не знают. Они не привыкли к человеческому отношению, – объясняет пассивное поведение гостей встречи пресс-секретарь комитета по межнациональным отношениям Мария Жучкова.

Это третья, но не последняя встреча с трудовыми мигрантами. Подобные акции планируется проводить во всех районах Санкт-Петербурга.

Европейский распад или как выживает Европа?

«Несмотря на многочисленные пророчества о её гибели, Европа до сих пор жива», – этими словами писатель Андрей Столяров начал очередную пресс-конференцию Экспертного клуба, состоявшуюся в пресс-центре информагентства «Росбалт». Поводом для заседания стали недавние теракты в Европе. Участники обсудили существенные, на их взгляд, ошибки и проблемы Европейской цивилизации, а также предложили некоторые пути решения.

Анастасия
ТИМОШИНА

Телега впереди лошади

По словам Столярова, Европа успешно осуществила проект создания городов нового типа, задачами которого стали создание правового социально-защищенного пространства и объединение

«**ЕС действует по принципу «телега впереди лошади»: акцент делается на экономике, а не на создании единой европейской нации, что в кризис, когда вопрос о суверенности встает особо остро, может породить конфликты»**

ресурсов. Однако при этом механизмом действия Европейского Союза (ЕС) является консенсус, который, по мнению писателя, порождает бюрократию и оказывается малоэффективным в критических ситуациях. «Кроме того, ЕС действует по принципу «телега впереди лошади»: акцент делается на экономике, а не на соз-

дании единой европейской нации, что в кризис, когда вопрос о суверенности встает особо остро, может породить конфликты».

Коран всех проблем

Особое внимание было уделено проблеме беженцев – по словам участников конференции, проектов решений этого вопроса до сих пор нет. «А ведь беженцы – представители активного ислама!» – бьет тревогу Столяров. Эту религию писатель подразделяет на три категории: народный, иными словами мирный ислам; исламизм – более радикальная ступень, балансирующая на грани закона; и джихадизм, представители которого расширяют влияние ислама с помощью военной силы. Чтобы обозначить масштаб проблемы, Столяров приводит статистические данные: «В Европе – около 20 миллионов человек исповедуют ислам, причем 10% из них – исламисты, среди которых каждый десятый – джихадист». По мнению писателя, наибольшую опасность представляет тот факт, что исламистские организации являются сетевыми, то есть без единого центра управления. «Партию можно ликвидировать, уничтожив ее центр. С сетью так поступить нельзя», – безрадостно резюмирует Столяров.

Европа – третий Рим?

Научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского

«**В Европе – около 20 миллионов человек исповедуют ислам, причем 10% из них – исламисты, среди которых каждый десятый – джихадист»**

университета в Санкт-Петербурге Дмитрий Травин считает, что проблемы выживания Европы попросту не существует. «У нас вообще женщина бегала с отрезанной головой ребенка, а полиция долго не обращала на нее внимания. Но ничего, выживем. И Европа выживет». По его мнению, на сегодняшний момент главной задачей ЕС является решение вопросов терроризма и жизни беженцев. К основным ошибкам Европы Травин относит создание государства всеобщего благоденствия, «синдром Господа Бога» (желание избавиться весь мир от проблем) и формирование мощной бюрократии на базе ЕС. «Однако, несмотря на эти недочеты, уровень жизни в Европе все же выше, чем у нас». Травина с жаром перебивает Столярова: «В Риме перед падением тоже был высокий уровень жизни!». Ему тут же парирует доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве СПбГУ Игорь Грецкий: «ЕС не Римская Империя,

а мигранты не варвары». Для решения проблемы мигрантов Грецкий предлагает использовать механизм плавной интеграции иностранцев. «Что касается терроризма, то он основывается на идеологических установках, поэтому и бороться с ним надо идеологией». На вопрос о том, что же делать России в сложившейся ситуации, Грецкий отвечает так: «Нам необходимо выступить с позиции акцентированной солидарности с ЕС, потому что теракты бьют и по нашей стране».

«**ЕС не Римская Империя, а мигранты не варвары»**

«Европа живет»

Вице-президент Ленинградской торгово-промышленной палаты Дмитрий Прокофьев считает, что главной проблемой ЕС является бюрократия, потомственное чиновничество. «Тем не менее, об экономическом крахе Европы речи и близко не идет, так как их экономика основывается на механизмах саморегуляции». Прокофьев как бы подводит итог всей пресс-конференции, безапелляционно заявляя: «Европа не выживает. Европа живет».

Беженка из Украины

Наталья не любит себя называть себя беженкой из Украины, хотя в свой город она уже не сможет вернуться. Ей всего двадцать лет. В этом возрасте большинство учится в вузах, сдает сессию, ходит на свидания, путешествует. Наташа же 15 часов проводит у прилавка в алкогольном супермаркете, продавая вино, коньяк и прочие горячительные напитки, а также таская тяжелые коробки до подсобного помещения и обратно.

**Карашан
НОГАЕВА**

Она переехала в Россию летом 2014 года, когда военные действия дошли до ее родного города. На тот момент Наташа только окончила первый курс университета (война уже вовсю шла в Донецке, а Луганск был в относительной тишине). Как только военные обосновались вокруг города, ее почти насильно забрали родители в Москву, где жили и работали уже больше 10 лет. С тех пор Наташа обосновалась с семьей в подмосковной Коломне и как-то не очень любит вспоминать прошлое. Но, когда я прошу ее дать мне интервью, соглашается, хоть и просит изменить имя и не называть ее фамилию. Так и рождается полный ностальгии и легкой грусти рассказ обычной девушки из Луганской области.

Взаперти

«Мой родной город – Стаханов. В городе росла с самого детства. Городок небольшой, одна главная улица и много шахт. Ради учебы в университете переехала в Луганск и поселилась в общежитии. Обучение в меде было сложное, очень, но, несомненно, твердость гранита науки компенсировал дружный коллектив из одноклассников и преподавателей, с которыми бесперывные месяцы зубрежки и бессонные ночи не казались такими уж страшными.

Отголосок войны дошел до нас гораздо раньше, чем войска. В университете, еще за четыре месяца до отъезда, я столкнулась с этим впервые. Это был вполне обычный день, когда мы просто пришли в общежитие после учебы и оказались заперты в здании до утра без света и возможности что-либо узнать. Мы с подругами как раз сидели в комнате и усиленно учили сесси-

... Отголосок войны дошёл до нас гораздо раньше, чем войска

онный материал, как я заметила странные хлопки на улице. Думали, что, мол, дети по мусорным бакам бьют, балуются. Посмеялись немного. Через полчаса, когда выключился свет, а звук стал только резче, уже было не до смеха. В тот день, 28 мая 2014 года, в двух остановках от нас была атакована воинская часть. А мы сидели запертые в четырех стенах, окруженные встревоженными охранниками с оружием наперевес и совсем без средства связи – вышка мобильного оператора неподалеку вышла из строя. Под вечер стрельба утихла, но ночью мало кто спал. Боялись спать. Потом были пару дней тревоги. Первого июня, еще до начала сессии, нас попросили в течение дня покинуть общежитие на неопределенное время. А второго числа был авиаудар по зданию областной госадминистрации с первыми реальными жертвами. Все лето почти безвылазно просидела в Стаханове. Дороги вокруг перекрыты, все места отдыха закрыты, полное отсутствие воды и проблемы с поставками продуктов и лекарств. Но было терпимо. Разве что

бегать в подвал при каждом подозрительном всполохе в небе было утомительно. Первый раз сильно трясло, потом пришла апатия и безразличие.

На новом месте

Но когда переехала в Россию – словно заново всё вспомнила и переживала уже прошлое. Справиться с этими трудностями мне помогли не в последнюю очередь местные жители. Я никогда не скрывала, что я украинка, и люди как-то очень приветливо ко мне относились, спрашивали и слушали, успокаивали в моменты грусти. Особенно приятно было слушать людей из «смешанных» семей, где жена/муж были из Украины, а тетка в Николаеве жила, а к зятю в Бердянск постоянно на отдых ездили. Тут наиболее ярко чувствовалось, насколько всё же большинству людей всё равно на национальные ярлыки. Все были буквально одной семьей, неделимой, как бы нас не пытались сейчас поставить

«... я заметила странные хлопки на улице, когда мы готовились к экзаменам в общежитии. Мы посмеялись. Через полчаса, когда выключился свет, а звук стал резче, уже было не до смеха.»

по разные стороны баррикад. Были и недоброжелательные, но на зло внимание обращать – дело последнее и нервов не стоило. В новом городе я прижилась быстро, ведь по сути мало что поменялось – все тот же маленький город, все та же спокойная рутинная жизнь. И никаких взрывов по ночам за окном. Первое время я не могла спать даже при малейшем шуме, но сейчас те времена страха кажутся совсем далекими. Мне здесь нравится. За полтора года здесь я успела привыкнуть и к местной погоде (гораздо холоднее, чем в луганских степях), и к другим традициям (ни разу не каталась на лыжах, а тут это словно ежегодный народный конкурс). А люди никогда не меняются, как будто я и не уезжала вовсе из старого дома. Иногда мне не хватает просторов за чертой города, полных цветущей зелени и полевых трав. В Московской области такого не сыщешь, тут лес на лесе растет. Не хватает и раннего тепла, у нас в апреле уже вовсю зеленели улицы и цвела вишня, а тут я продолжаю кутаться в зимнюю куртку уже четвертый месяц подряд и не вижу ни единого намека на весну. Если спросите, скучаю ли по родному городу, то я скажу, что скучаю. Но уехать обратно вряд ли когда-либо смогу и захочу. Новый дом теперь неотъемлемая часть моей жизни, а тот кусочек степи навсегда останется особенным в памяти теплого солнечного детства.

Уберите бумажку

Конечно, не все люди относятся с пониманием к твоей ситуации. Многие недоброжелательны призрачными привилегиями,

● Снаряд «Урагана» упал в 30 метрах от жилого дома

которыми мы обладаем (и которые существуют только на словах в телевизоре), некоторым претит сам факт нашего присутствия на «их земле». Я первое время о таких людях не знала, но всё равно пару раз попала; ничего особенного, никаких прямых оскорблений лично мне, но тон общения и обязательная ориентированность на политику только при разговоре со мной подсказывали, что лучше бы мне на глаза лишний раз не попадаться. А в некоторых элитных местах города могли и попросту игнорировать, если узнавали по акценту или видели паспорт. Неприятно, но я просто перестала ходить в такие места и всё. Насчет документов вообще отдельная история. Наших паспортов реально пугаются все. Все – это и полиция на улице, и продавцы в магазинах, и даже почта. Меня однажды сотрудники почты в вежливой форме попросили убрать бумажку (коей являлся мой паспорт) и вообще никому не показывать. На мой вопрос, а чем он им не нравится, они тактично промолчали. Оформление проживания ещё хуже. Думаю, многим знакомо грубое отношение к людям в госучреждениях, но поверьте, в отделениях миграционной службы тебе ясно дают понять, что люди с нероссийским паспортом людьми не считаются. Я не оформляла официально статус беженца (для этого были очень трудновыполнимые для моего почти вымершего родного города

работодатели боятся брать нас на работу официально (то есть, с заключением договора о найме), как многие утверждают –

«...поначалу бегать в подвал при каждом подозрительном всполохе было утомительно. Первый раз сильно трясло, потом пришла апатия и безразличие.»

для этого нужно отдельное разрешение сверху и налог с нас платится выше. Потому чаще всего и приходится работать втихушку, то и дело рискуя попасть на недобросовестного начальника, который легко может кинуть как по зарплате, так и доложить в полицию на собственных работников по любой не понравившейся им мелочи.

Но идти вперед надо

Планы на будущее, на самом деле, есть, но призрачные. Сложно поставить себе цель, когда не знаешь, что будет завтра. В данный момент работаю для себя, чтобы быть почтее среди людей. Общение помогает не только решить собственные проблемы, но и как-то помочь окружающим. Мне нравится обмениваться с ними мыслями и взглядами, это дает огромный простор для развития и еще большее желание идти вперед. В этом году хочу попробовать снова поступить в университет. Пока не знаю, что за профессию выберу и чему именно посвящу свою жизнь, но точно хочу что-то, связанное с людьми. Может быть, преподавание или снова медицина, хоть это и сложно для иностранцев. Но идти вперед надо, нельзя заикливаться лишь на прошлом и грустить, жизнь от этого лучше не станет. Немного жаль того, как всё обернулось. Да, есть и большие плюсы, со всеми проблемами я словно выросла, стала, как мне кажется, рассудительней и более бойкой. Иногда чувствую себя много старше своих сверстников-друзей из России, что даже немного смешно».

«... дороги вокруг перекрыты, все закрыто, полное отсутствие воды и проблемы с поставками продуктов и лекарств»

условия), потому нахожусь в России как гость. Для работы тоже есть много препятствий: чтобы официально иметь возможность работать, нужно получить патент, который делается только в одном месте на всю область и требует весомого вклада денег (около 10 тысяч рублей), после чего ежемесячно необходимо выплачивать четыре тысячи рублей налога. Потенциальные

Я русский молдаванин

Вадим ШЕСТОПАЛОВ

Молдаване – как глубина, не поддающаяся измерению. И я говорю это без особой гордости и вовсе не бью себя в грудь. Мы работаем на стройке и в магазинах в России, ухаживаем за стариками в Израиле и Италии, делаем дела с соседней Румынией, отдыхаем, пьем и бедствуем у себя в Молдове и обманываем друг друга где бы мы не находились. Очень неоднозначно, но грустно в любом случае. Вообще, разбираться в особенностях национальности – дело не из простых, ведь была такая штука как СССР. К сожаленью или к счастью?... Но, так уж вышло, что те республики сегодня живут на две семьи – национальную и русскую. Отсюда и вполне очевидные последствия. Old school или русскоязычное население и ребята, настроенные на объединение с румынами, Евросоюз в догонку, и получается вся эта давкая каша никак не может по-человечески довариться, а мне приходится ее есть с комочками и без сахара.

Молдаванин я или русский? Скажем так, я русский молдаванин. Это как контрафакт Jack Daniels – бутылка с этикеткой та же, но вкус таки отдает космическим молдавским портвейном.

В моей семье говорят и матерятся по-русски, но частенько и на румынском. Все мои знают государственный язык – румынский, но не настолько литературный, как в книжках. Для меня он почти второй родной, хотя не разго-

варивал на нем до 15 лет... выучил, но забывается... В нашей «русской» семье я смотрел молдавские новости и реже российские – не тянуло совсем (хотя кто бы мог подумать!) Поэтому и собирался покорять Румынию. Я как самый прохванный, очень сомневался куда идти, потому что билингв и мог выбирать.

На самом деле, все это до одури обидно. Я как, бедолага, который пытается попасть в последний вагон отходящей электрички – не знаю куда себя деть, чтобы успеть. Обрусевший молдаванин едва ли захочет возвращаться в Молдову после питерского шика, а как же дом?... Но, опять –таки, все это попадает по категории возможностей и денег, а сам факт вот он – так чувствуют себя многие, кто из «маленькой Швейцарии». У каждого своя история экспата. Так вот. Пока я тут думаю, что к чему, может быть реальность она другая, на поверхности? Люди как люди везде. Да.

Россия – та же Молдова, только большая. Это своя наука, лженаука... Мы – останки Союза, который нас с вами всех роднит. Большинство друг друга понимают, даже молча, стереотипами. Мы щедрая душа и все такое, мы все едим оливье на Новый Год и по страшному «наступаем на пробку». Пока гром не грянет – мы не перекрестимся, и этот «авось» доходит до национальной трагедии идиотизма и разрухи, мы все смотрим Иронию судьбы, мы наивные, ждем чуда, у нас одинаковые понты, соцсети, каналы, кумиры (Путин). В общем что есть, то есть. Объяснить сложно – но чувствуешь мозгом костей. Вообще, разбираться в особенностях национальности – дело не из простых.

...Два ночи. Шагая по пустынной дороге Петергофа с моей девушкой, держу руку с вытянутым большим пальцем. Третья по счету машина останавливается, но мой облегченный вздох застревает в горле при виде чернобрюхих бородатых мужчин. «Да не бойся ты за нее, у нас тоже девушка есть!» Женщина на заднем сиденье чуть укрепила мою веру в удачу, и мы решаем ехать. Пока выпивший шофер лихо входил в повороты, рядом сидящий извинялся за нецензурную речь при дамах, а потом поведал: «Если на Кавказе не остановишься подобрать людей, значит, ты (вольный перевод) очень плохой человек!» «Здесь остановите, пожалуйста!» Открывается дверца, мы выходим, благодарим, а мужчина кричит вдогонку: «Запомни, что бывают и хорошие кавказцы!»

Бывают и плохие русские. Достаточно вспомнить 90-е. Но, несмотря на всю нашу кровавую историю, я горжусь тем, что я русский. Геополитика меняется слишком часто, чтобы от нее зависел патриотизм. А вот мощный пласт культуры, насыщенное крутыми поворотами прошлое и совершенно особенный менталитет дает мне привилегию быть русским. Не плохим, не хорошим. Не злым, не добрым. Улыбающимся близким. Уважающим авторитеты. Страшным в своей спонтанности. Не лучше, чем кавказец или бурят. Но особенным.

Парадокс в том, что ярлыки ограничивают взгляд самого носителя, а не предметы ненависти и презрения. Они явно упрощают жизнь, не позволяя думать своей головой. Но стоит ли игра свеч?

О мифах, которые мы выбираем

Всеволод ВОРОНОВ

Должен предупредить будущего читателя: мне плевать на национальность. Она находится вне моих ценностей, за пределом какой-либо иерархии, является ничтожным поводом для гордости и надутой причиной для стыда. (К этой мысли должен прийти каждый человек: стоит только отбросить массивный идеологический груз и немного подумать головой).

Вопрос национальности (как и истории) очень тесно связан с политикой; если история – это второе имя политики, то национальность – это своего рода ее главный буравчик, поршень, делающий из пустоты национальную идею, цементирующая основа любой идеологии. (Внимательный читатель заметил рифму двух последних определений). Короче говоря, разговор о национальности обречен на переход к обсуждению политической повестки дня – поэтому зачастую благородная попытка разобраться в проблеме Холокоста, всех русско-чеченских войн и каждой из них в отдельности, или в чем-то типа «национального самосознания» оборачивается нагромождением мифов (чем, собственно, и занимается политика).

Это политическая мифология, детка. Будьте осторожны. Высокое напряжение. Миф призван объяснить мир, точнее, выявить те причины, по которым все случилось так, а не иначе (шире – лучше, а не хуже). В лучшем случае он может рассказать о появлении народа как такового – зачастую это происходит самым прекрасным из всех наиболее прекраснейших способов с отсылкой к великому прошлому. В худшем – миф говорит, почему мы лучше других. Это почти то же самое, что и повествование о нашем происхождении, только куда откровеннее (а значит, с этим куда сложнее спорить) и без дискуссионного замеса с массой точек зрения (а о проблеме происхождения любого народа можно спорить до бесконечности).

Вопрос о национальности давно имело бы смысл убрать из сферы высокой мифологии и понять, что это не более чем стечение обстоятельств. Если поднимается вопрос «Почему я русский?», имеет смысл переформулировать его: почему я вообще родился?

Нельзя гордиться тем, что ты родился здесь, а не там, по той же самой при-

чине, по которой мы не гордимся тем, что перешли улицу на пешеходном переходе, когда светофор засветился изумрудным. То, что я родился в России – случайность: в этой лотерее мне выпал такой билет и ничего с этим нельзя сделать. Поэтому всякий раз, когда заходит речь о патентованных патриотах, мне становится как-то неловко.

Мне нравится, что у меня два глаза, но по-настоящему я горжусь тем, что они у меня с некоторой генетической особенностью: радужка едва заметно отличается от зрачка. Это придает моей внешности легкий акцент любимого женщинами вульгарного демониума. Я тоже любим женщинами. (Это вообще отдельная статья моей гор-

дости).

Все, что может дать национальность, это принадлежность к той или иной культуре – со всеми ее сильными и слабыми местами. Изучать культуру полезно. Гордиться тем, что никому не принадлежит, – странно. В

отличие от культуры, национальности практически нечего вам сказать. У меня есть сестра. Больше пяти лет она живет в Финляндии. Знает полдюжины языков и много путешествует. В последнее время среди ее молодых людей все больше иностранцев: нынешний – финн, до этого был француз. Так как она живет в Европе, то по новому курсу сестра зарабатывает примерно так же, как и наш отец (если не больше). Помимо работы она преподает ирландские танцы в собственной студии.

Ее Родина – Россия.

Я, конечно, немного преувеличил. Но вот то, что она встречалась с французом, это правда.

«Вопрос о национальности давно имело бы смысл убрать из сферы высокой мифологии и понять, что это не более чем стечение обстоятельств. Если поднимается вопрос «Почему я русский?», имеет смысл переформулировать его: почему я вообще родился?»

Игра вслепую

Александр БРЕЗГИН

Родившись в Республике Бурятия, вы с детства учитесь забывать о своей национальности. Слово «бурят» почти всегда воспринимается как оскорбление. Заявить, что ты русский – обеспечить себе проблемы. Использовать атрибуты страны можно только по особым праздникам. Достойная уважения трепетность к семейным узам превратила кровное родство бурят в средство достижения всех поставленных целей и желаемых мест, будь то стул в университете или кресло в местной администрации. Однажды проходя мимо сбившихся в ржавую кучу гаражей, я увидел белую свастику с надписью: «Бурятия для бурят». На следующий день свастика была закрашена черным лозунгом «Россия для русских». Так и жили.

Но внезапно моим лучшим другом стал бурят. Женя помог мне увидеть суть: плохими бывают отдельные люди, а не целые нации. Мои друзья из Америки доказали, что нам многому стоит у них поучиться. Украинцы показали, что такое гостеприимство. А товарищ-немец научил меня быть верным своему слову.

Безликий

Иоанна
ЧЕРНОВА

— Ты будешь з нами дружить?
— Я так с вами дружу.
— Ты шо, по-українськи не розумієш?
Ты играть с нами будешь?

Еще в детстве пришло осознание того, что люди делятся по национальностям. В Донецке, где я прожила часть своего детства, периодически встречались люди, говорившие абсолютно на непонятном языке. Вроде слова те же, а произносятся иначе и значение их меняется. А дома все

говорят по-русски.

Если я начинала «шокать», мама тут же поправляла: ты не хохлушка, не «шо», а «что». Никто из членов семьи никогда не разговаривал со мной по-украински, и все как-то специфически относились к «хохлам». В «средней» Украине уже остро чувствовалось разделение на русских и украинцев. Менталитет отличался. Попадая в такую среду, чувствуешь себя неуютно: понимаешь через слово. Чуть позже понимаешь: отношение к русским и украинцам здесь разное. Если прийти в магазин и что-то попросить на русском, то цена будет выше, нежели покупатель произнесет простые фразы «а мне вон того полкило» с характерным «г» и «шо».

— Позор — в Украине живешь, а язык не знаешь! Сразу видно: с Донбасса. — кинула мне какая-то бабка на улице, когда я пыталась разузнать дорогу. Через какое-то время семья переехала

на родину мамы — в Петербург. Только потом я поняла, что «донбассовцы», «дончане» — это как особая национальность. Ты вроде не русский, однако все вокруг говорят на русском, но и в концепцию свободолюбивых украинцев тоже не вписываешься. Люди на Донбассе кажутся более сдержанными, толерантными. В то же время, дончане менее консервативны. Для них приемлем европейский уклад жизни, они внутренне стремились к нему больше, чем к российскому. Украинцы чтут традиции, трепетно относятся к религии. Дончане — нет.

Я не ощущаю себя украинкой или донбассовцем. Ощущаю себя русской. Этим нельзя гордиться или стыдиться. Просто есть разные национальности с разными традициями, вытекающими из истории народа. Традиции можно почитать, относиться к ним с неуважением, с равнодушием — это уже дело каждого лично. Главное — чтобы твои традиции никому не мешали, не затрагивали чьих-то интересов.

Возможно, культура русских поблекла, выцвела. Она не ярко выражена. В России огромное количество национальностей, и когда дело касается именно не русских, то это сразу выделяется ярким пятном на фоне общей массы. И дело не в численности русских. Дело в постепенно обезличивании нации. Возможно, это пережиток СССР. Но почему другие народы так стремятся самоидентифицироваться? Чего не хватает русским для возрождения своих традиций?

Ответ на этот вопрос, увы, я не знаю. Мне стыдно не за принадлежность к национальности, а за свой народ, его отношение к жизни и традициям. Сейчас почти каждый русский может сказать: «Я плохо знаю традиции своего народа. Я — русский, я — безликий».

«Чего не хватает русским для возрождения своих традиций?..»

что русские совсем не улыбаются, толкаются в метро и не знают английского. «У русский человек много проблем», — со знанием дела говорят мне.

Когда по улице идет лысый парень в нарочитой футболке «Я РУССКИЙ», слышу в толпе на переходе: «Скинхед», «Патриотов развелось...», «Расист». Расист-русский, русский-расист, повторяя про себя, уже слышу созвучие. Или мы все — по-своему русские, по-разному?

Наверное, мы живем не столько в России, сколько в огромном стереотипе, в отражении России в истории, политике, мнении других стран. Такой большой мыльный пузырь «менталитета» с есенинским колосистым полем, Щелкунчиком Чайковского, блинами и матрешками. И вместо икон в избах (квартирах) — Путин. Как представляют нас «за бугром», какими окрестили не хуже Владимира (массово и без референдума — а надо ли?) — так и мы видим себя. У нас хуже образование и медицина, у нас нет демократии, у нас дураки и дороги, у нас... И почему-то никому не режет слух, что «у нас». Нас. Нас самих же, значит, нами и сделанное.

Какие в этой стране дети

Виталина
ФОМИЧЕВА

«Человек живет на планете, а не в государстве» — эти слова Виктора Цоя известны немногим. Его творчество шагало впереди автора «по городам и весям», и к национальной гордости музыканта азиатской внешности любовно причисляли миллионы жителей России. Слава на всю страну, гастролы, фанатки — это все много позже школьных лет, проведенных под эгидой белой вороны. Дети жестоки, они еще не обросли слоем моральных устоев и приличий, и грань между собой и «другим», да еще и из элитной сталинской высоты, проводили достаточно четко. Нередко — кулаками.

Мне повезло больше, чем Цою. В ряды «приемлемо славянской» внешности я хитро затесалась с самого рождения — спасибо комбинации генов — так что запоминающегося детства могло и не быть, если бы я коротко ограничивалась «записали русской» на неудобные вопросы. Я не скрывала свой дикий микс предков и с новым переездом из города в город припоминала каждому интересующемуся маму украинку, русского отца, деда поляка, бабушку татарку. И вершину топ-листа славных кровей — еще одного деда из коряков, которых на весь мир тысяч восемь. Гордилась этой разношерстной компанией я недолго. «Понимаешь, у меня — род. Купеческое дело, шелк. Из варяг в греки да Чайный путь. А у тебя чего предки делали? — снисходительные хлопки по моему плечу: — на Севере с бубном?» Велика детская изобрет-

тельность, но на этапе придумывания мне обидного прозвища неизменные проблемы: «хохлушка» без творческого полета мысли и затерта, «пшечка» нравится мне звучанием и этим тут же перестает интересовать остальных, татарка я на одну далекую какую-то (дробь тогда мы знаем еще нетвердо), а слово «коряк» на письме дается немногим. Одним словом, я дальновидно уродилась ни рыба, ни мясо, чем крайне раздражала окружающих.

Это потом мы прошли двухсотлетнее татаро-монгольское иго, когда учительница на пальцах объяснила, почему Русью в России даже не пахнет и исконно русские давно почили. До той поры меня, как самого настоящего английского лорда, каждый день

встречал длинный список национальностей, помноженный на фантазию тех, кто называли себя русскими — и не дай бог кому вспомнить, что девичья фамилия бабушки когда-то заканчивалась на «ко»!

Детство — глупая пора, безголовая. Не надо мной одной насмешничали и не только из-за межнациональной любви предков. Мы всеми моими классами вдруг выросли, перестали при виде друг друга полировать тему «Россия ли лезла в земли ино-

родцев или инородцы лезут в Москву». Зовем в гости, вспоминаем прошлое, ведем преувеличенно взрослые разговоры о будущем. И девчонка, которая «купеческое дело, шелк», с безнадежной улыбкой все чаще повторяет мантру, что притаилась в каждом городе страны: «Пора валить». «А как же род, Чайный путь, — удивляюсь я. — Что детям своим рассказывать будешь?». «Ой, — махает она рукой, — да какие в этой стране дети».

большие!) странами — это не патриотизм. Приговаривать «американцы — ну, тупые-ые», немцы — жадные, поляки — подлые и прочий абсурд — это не любовь к Родине. Мы вышли за пределы стратосферы и внедрились в атом, а выйти за рамки наций и понять, что «все мы люди, все мы человеки» так и не хватает учёности.

Гражданин мира. И русский, и австралиец. Вот это патриотизм, даже сверхпатриотизм — просто уважать другого с его цветом кожи и президентом страны, которого, может, он и не выбирал. Поэтому «быть русским» — не гордо, не стыдно, а... по-русски просто. И на этой характеристике себя как личности я не хочу останавливаться.

«Я не хочу гордиться тем, что «Россия для русских» и не хочу стыдиться своего гражданства в паспорте»

«Только потом я поняла, что

«донбассовцы», «дончане» — это как особая национальность. Ты вроде не русский, однако все вокруг говорят на русском, но и в концепцию свободолюбивых украинцев тоже не вписываешься.

«Я не скрывала свой дикий микс предков и с новым переездом из города в город припоминала каждому интересующемуся маму украинку, русского отца, деда поляка, бабушку татарку. И вершину топ-листа славных кровей — еще одного деда из коряков»

RUS

Анна
СТОЯНОВА

Когда на украинской таможне видят значок RUS на папиной машине, бегут по своим будкам и оттуда вызывают самых важных «дядь». Сейчас будут проверять. Можно достать йогурт, выйти к подсолнечным полям за высоким забором и настроиться на четыре часа ожидания и угрюмый допрос «Из России? Зачем едете?».

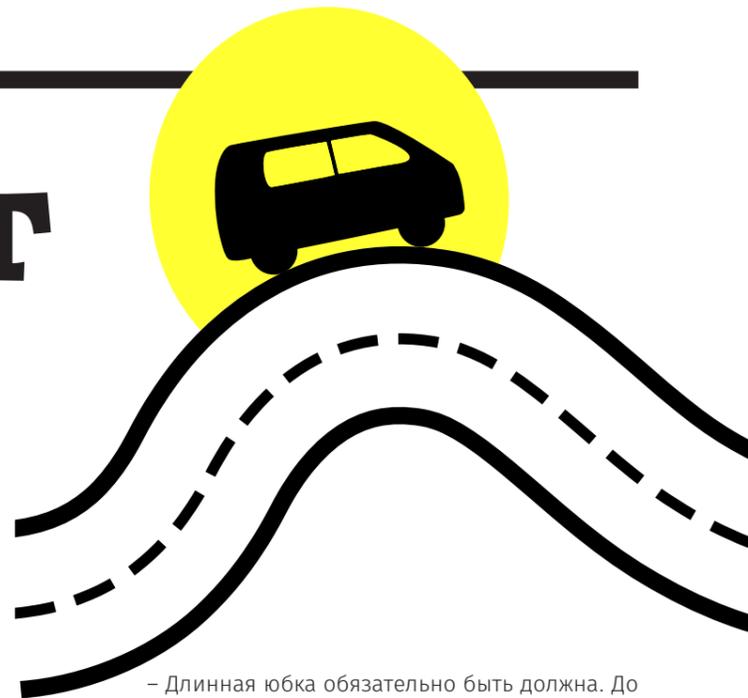
Когда на очередной конференции а-ля «дружба народов» знакомишься с иностранной делегацией и говоришь пресловутое «фром Раша», вежливые немцы растягиваются в улыбках и добавляют, что русские девушки — самые красивые. И что у вас совсем нет акцента.

Когда заговариваешь с заблудившимися канадцами у Казанского, те сетуют,

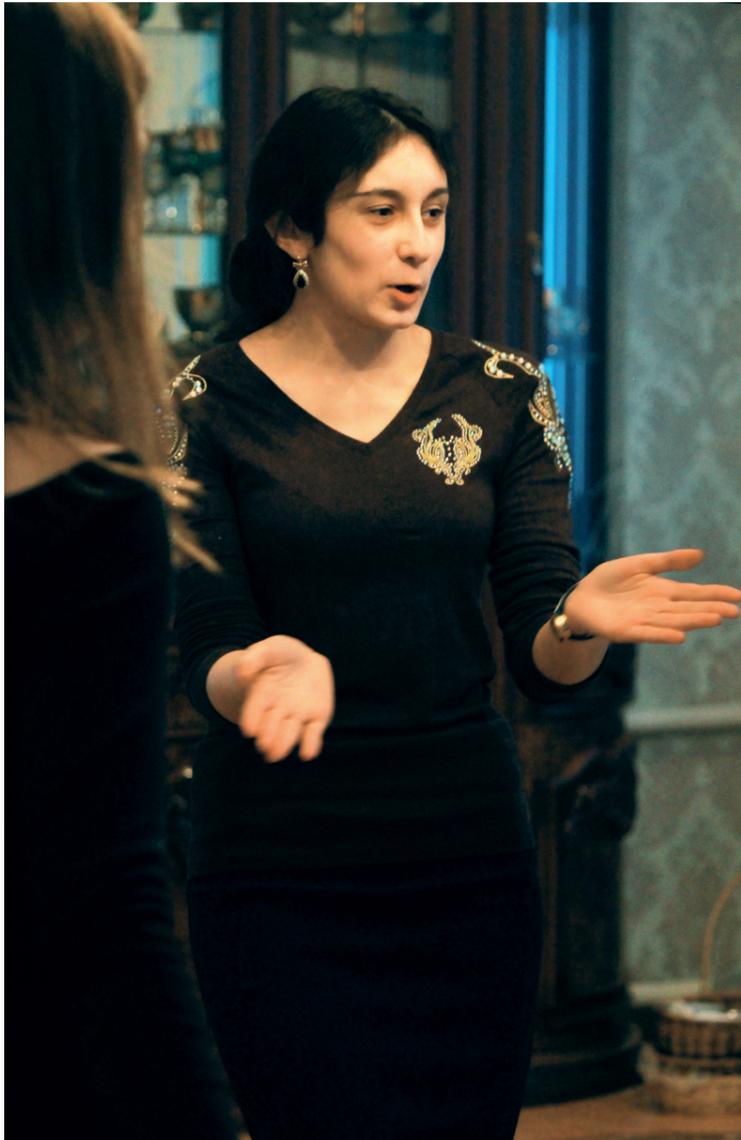
«Мне стыдно, что я русский, как Крым оттяпали», — сказал как-то папин знакомый. А мне стыдно? Или мне — гордо? Или «быть русским» ничем не отличается от «быть колумбийцем» или «шотландцем»?

Мне хочется ввести формулу «я русский = я гражданин мира». Потому что та никем не выданная, но вызывающая зависть у иностранцев «русская душа» может найти общий язык и с шотландцем, и с колумбийцем. И, что не всем даётся — с русским тоже. Я не хочу гордиться тем, что «Россия для русских» и не хочу стыдиться своего гражданства в паспорте. Я не хочу зависеть от мнения соседних стран и менять своё после очередных санкционных боёв. Моя история с ее пробелами и провалами, моя культура с ее мимикрией под любую другую, только не русскую, мой язык и мои традиции заставляют меня не гордиться ими. Всё то, что есть моя Родина и моя страна — не повод для презрения к другим, а просто единственно близкое. Моё. И какой-то убеждённый гуманист внутри говорит, что бравировать атомными погромами перед «маленькими» (мы же самые

Табор уходит

«Да чтоб у тебэ волосы все повываливались. Проклятая!» – слышится яростный крик. И миниатюрная девушка в ужасе отбегает от своей обидчицы. Хитрые маслянисто-черные глаза, пестрая рубашка, в ушах ослепительно блестящие кольца. Женщина в длинной юбке бойко обходит площадь перед торговым центром. Она, не стесняясь, выкрикивает что-то своей напарнице на неизвестном зловеще распевном языке... Цыгане. Уже одно это слово заставляет нас невольно тянуться к кошельку и с испугом сжимать смартфон у себя в кармане. Можно ли завязать дружбу с цыганской семьей или просто унести ноги из их дома? Наш корреспондент проверил это на себе.

● Кристина активный пользователь Вконтакте, ее можно найти в Viber и WhatsApp

Ольга ШКВОРОВА

Ни кола ни шатра

Большая цыганская семья, пригласившая нас на юбилей хозяйки, живет закрытым кланом в поселке Вырица. Здесь почти каждая улица не обходится без полуразваленного цыганского двора, выдающего себя характерным запахом и лаем неприязненных собак.

Дорога от платформы, долгая и волнительная, приводит к небольшому деревенскому дому, выкрашенному голубой краской. Ворота широко распахнуты, по двору бегают куры. Наскоро сколоченное, покосившееся крыльцо встречает неприветливо.

«Проходите» – смуглая девушка распахивает дверь и тут же убегает в глубину комнат.

Большая, совсем не подходящая дому прихожая полупуста. Скрипка не плачет, конь не ржет, и даже цыганка не размахивает цветастым подолом. Тишина.

На пороге гостиной нас поджидает худенькая девочка в вельветовых брюках, в больших черных глазах читается смущение. Она сжимает в руках аккуратно обернутый учебник по английскому, но от испуга, кажется, не помнит и по-русски:

– Я Алмаза!

Синие узорчатые обои, огромная картина в массивной золотой раме, утопающая в цветах лестница не позволяют глазу заметить крупную фигуру хозяйки Гали.

Конфеты, принесенные нами, властной рукой отправляются в большую расписанную вазу. Скромно приняв поздравления, Галина усаживает нас пить чай.

– Раминэ-э-э! – доносится из кухни громкий голос именинницы.

И смугленькая девушка тут же подлетает к нашему столу разливать чай. У Рамины густые черные волосы, платье чуть выше колена. Цыганскую кровь выдают крупные брови и яркие угольные глаза.

Стол, словно скатерть-самобранка, пестрит блюдами. Тарелки с изображением затянутых в корсет дам XIX века, расписные фарфоровые чашки – для Гали в этом нет ничего удивительного. Каждый день у нее праздник. И нарядные тарелки стоят вовсе не по особому случаю.

За русского выйти – позор

Хозяйка радушно улыбается, хотя периодически не понимает наши вопросы:

– Цыгане теперь не такие. Вон по телевизору показывают. Даже стыдно. Теперь все изменилось. Не кочуют больше, оседлые. А раньше из дома в дом.

Галина рассказывает о понятии «скверна», ее черные блестящие глаза хитро на нас поглядывают:

– Раньше в строгости держали. Сейчас и обычай сам ушел. Но цыганке не позволено задевать мужчину юбкой – это сохранилось... Нельзя по венуку ходить. А на второй этаж подниматься – это можно – выговаривает Галя.

Платок повязан поверх кудрявых волос. Полная фигура покрыта черной юбкой и такой же кофтой с переливающимися пуговицами.

– А как должна наряжаться цыганка?

– Длинная юбка обязательно быть должна. До замужества еще позволено показывать ноги. Но после – юбка только до щиколотки.

Показываю Гале свою.

– Да. Коротка. В мои времена это позор был. И краситься позор. Вон Раминэ...

Девушка с гладким, почти детским лицом нервно хихикает.

– Красишься! Красишься! – настаивает хозяйка – Да еще и белоручка! Но красавица-то какая!

– А цвета? Красный, малиновый? Чер...

– Черный – самый цыганский! – выкрикивает маленькая Алмаза, подбегая к столу.

Чуть раскрепостившись, но все еще не совладав с русским, Галина рассказывает о своей жизни:

– Здесь, в этом доме живу 33 года. Я с детства в Вырице. Родилась в Новгороде, а мамка потом замуж вышла и сюда переехали. Живем потихоньку, держим хозяйство. Я вот посудой-то этой приторговывала. Не в магазине, так по заказам. По домам ходила. Да сын три года назад умер. Лешка... Отойти не могу, – в глазах Гали блестят слезы.

На стене за моей спиной висит большая фотография. С плохо отфотошопленной размером А3 «картины» смотрит молодой человек в синем костюме, сзади него большая серебристая «Лада Калина» утопает в ядовито-яркой зелени.

– А я застала то время еще, – продолжает Галя все еще осторожным тоном – когда палатки ставили, шатры такие. По краям раскидываются, как крылья. А внутри ребятишки бегают, и женщины самовары греют, варят еду.

Лицо цыганки заметно оживляется. Она охотно рассказывает о брачных обычаях:

– Жена всегда за мужем должна быть. Она и уходит в его дом, оставляет свою семью после свадьбы. За русского выйти – страшный позор. Сейчас, конечно, забыли все. Но да не выходят все равно. Бывает, попадают русские, что цыгане, и закон наш знают, и обычай. Тогда еще браки бывают. Раньше-то вообще не регистрировались. Только свадьба, обряд и ничего не нужно. Не боялись, что жена уйдет.

Девочки притихли и внимательно слушают речь бабушки.

– И главное, как девушка женой становится – должна свекровку слушать. Все свекровка решает. Куда пойти хочет – надо у свекровки спроситься.

Цыганочка с выходом

Гостиная наполняется шумом. Новые гости приветливо, но с опаской, поглядывают на нас.

Пробка звучно вылетает, и всех присутствующих окатывает брызгами шампанского. Цыгане громко смеются. Рамина в мгновение ока оказывается рядом и пытается утереть розовые разводы на нашей одежде.

– Кристина, да станцуйте им цыганочку. Вон Алмаза пусть станцует! – кричит раздурявшаяся от поздравлений Галя.

Прикрывая улыбчивый рот рукой, маленькая девочка бежит переодеваться.

Алмаза выходит в ярко-вишневом платье в пол и короне с изумрудными стразами. Услышав первые аккорды песни, она начинает, вилля маленьким плечиком, плыть по комнате. Порывистые и одно- временно плавные узорчатые движения напоминают чем-то индийские танцы. Алмаза ловко перескакивает. Улыбается. Кажется, пластика дана была ей вместе с цыганской кровью.

«За русского выйти – страшный позор. Сейчас, конечно, забыли все.»

Пока взрослые, не умолкая, обсуждают что-то на цыганском, новая гостья Кристина предлагает научить нас танцевать.

Мы проходим в другую комнату, которая полностью отдана под хранение предметов гордости. На первый взгляд, кажется, что кроме разноцветных перламутровых тарелок, выстроенных в высокие колонны, здесь больше ничего нет.

Быстро перебирать ногами оказывается нелегко. Танец, страстный, требующий цыганского нрава. Классическое, знакомое всем из фильмов движение плечами удаётся с трудом.

– Кто научил Алмазу так танцевать?

– Сама научилась, смотрела, как мы танцуем, и переняла – разъясняет Кристина.

Однако девочка сильно выделяется среди сестер. – В лезгинке девушке позволено проявить хитрость. Она, ведомая партнером, может своевольно менять траекторию, обводить его руками, – учит меня Рамина.

За любимым в ночь

Юные цыганки расшифровывают для нас песню «Джелем, Джелем», названную их гимном.

– В ней поется о страстной любви молодых цыган, о танцах и о единстве нашего народа.

Девочки, гораздо резвее и охотнее говорящие по-русски, рассказывают о том, как живут и о чем мечтают:

– Что угодно, только не учиться – учиться не хочется, – виновато улыбаясь, говорит Кристина, – я вот собираюсь в кулинарный техникум после девятого.

– А я хотела до одиннадцатого доучиться, но папа сказал, что только до девятого получится, – жалуется Алмаза, разводя маленькими ручками. – Мы его дух недавно вызывали.

– Да, с шестого по седьмое января самые точные ответы получаются, – продолжает Рамина, – папа нам их на листке писал.

– Мы скучаем по папе Леше. Если бы не Жанка, жена его бывшая, он бы сейчас с нами был. У него в крови ядовитые вещества нашли.

Воодушевленно девушки рассказывают о свадьбе:

– Цыганка может убежать со своим возлюбленным, это у нас позволено. Потом происходит мирение – знакомство будущего мужа с семьей невесты. И после уже обряд, гулянья. На свадьбе обычно много цыганских семей. И каждая имеет свое название, как кличку. Нашу называют Шоля, так дедушку в молодости прозвали. Ведущий объ-

являет семьи, и они выходят танцевать на сцену.

Девочки переглядываются.

– Рассказать им? – спрашивает Рамина у сестры – У нас очень строгие законы. Девушка должна доказать свою верность и чистоту, поэтому простыню после первой ночи не выбрасывают. На свадьбе ее обязательно показывают гостям, с ней танцуют, размахивая, как флагом. Если такого доказательства нет – это большой позор для невесты.

Кристина хитро улыбается. Глаза с гигантской иконы в углу пристально за нами следят.

– Цыганам позволено воровать, вы же знаете? Когда было распятие Иисуса, цыган успел украсть один гвоздь. Поэтому Бог разрешил нашему народу красть, и это не считается грехом, – девушка подмигивает мне.

– Друзей у нас много, и в школе. В гости, правда, сколько мы не звали, не приходят. И на День рож-

дения, – вздыхает Рамина.

Во главе стола в гостиной сидит крупный мужчина с круглым, чуть отекшим лицом.

– Оленька! Здравствуйте, Иван, – произносит он, сбрасывая пепел сигареты в лежащую рядом крышечку от моего фотоаппарата.

На прощание хозяйка Галя выдает нам большой пакет с фруктами. Алмаза, явно расстроенная нашим отъездом, крепко обнимает меня.

Кристина и Рамина провожают нас до станции.

В нескольких метрах от железной дороги мы встречаем высокого молодого человека, Кристина бросается к нему в объятия:

– Брат мой! – поясняет она.

– Вы к нам приезжайте на Ивана Купала – погадаем. Можем даже на кидании башмачка, – прощаются девушки – Много цыган соберется, мы вам и жениха найдем!

« В лезгинке девушке позволено проявить хитрость. Она, ведомая партнером, может своевольно менять траекторию, обводить его руками

● Алмаза уверена, что танцы получатся у нее лучше упражнений по английскому

Через тернии к квартире

Виктория БЫКОВА

Он знает, что я звоню в семь, и каждый вечер быстро снимает трубку. Один неизменный вопрос – один неизменный ответ, и так изо дня в день. А ведь мне бы хотелось больше никогда не слышать это короткое, грустное «нет».

Я знаю, что ничем не могу помочь. Лишь твержу: «Может, повезёт завтра». Назар почти месяц пытается найти квартиру, но раз за разом натывается на кодовое «только славянам». Тут – славянам, там – русским, здесь – православным. «Ну что, нашёл квартиру?»

Вырубить окно в Питер

Чистая русская речь, интеллигентность, образованность – всё это не имеет значения, если в паспорте красуется прописка в Махачкале. Назар – порядочный парень, но как доказать это хозяевам квартир, большинство из которых отказывает через дверь, не открыв её? Последний из них оказался добр и недалёк: дверь открыл, но долго доказывал, что Дагестан не входит в состав Российской Федерации.

«Он сказал, что слишком любит Родину, чтоб приезжим квартиры предоставлять. Послал и дверь хлопнул. Я не стал спорить с горе-патриотом», – Назар и сам не знает, стоит ли продолжать поиски жилья в Санкт-Петербурге. В голосе парня слышатся усталость и обречённость.

Могу, но не помогу

Почему же приехавший с окраин России человек обязан выслушать оскорбления в свой адрес? Ведь есть агенты! Риелтор Руслан Пташин объяснил, что и тут всё непросто: «Работать с теми же дагестанцами невыгодно. С выглядящими по-славянски проще: хозяину без разницы, откуда человек приехал. Вазы не бьёт, по счетам платит – ну и бог с ним, пусть живёт. За месяц можно много таких сделок заключить, прибыльно. Чеченцу, например, не каждый агент помогать возьмётся, возиться дольше. Хотя для многих это лишь дело вкуса». Сам мужчина признаётся: «Раз пытался помочь, больше не стану».

Не дадим и победим

Чего же так бояться хозяева? Руслан пояснил, что многие запуганы вероятностью грабежа, опасаются превращения квартиры в нелегальную ночлежку, а

кому-то просто приятно считать себя защитником России. «Думают, что если не будут давать жильё иностранцам, то таким образом «избавят Русь от черной крови». Один мужик так мне и сказал, – риелтор посмеивается, а мне грустно: ни чеченцы, ни дагестанцы не являются иностранцами, но кто-то этого не помнит.

А в это время...

В доме у Марии Летягиной приятно находиться: немногочисленность мебели вкупе со светлыми обоями лишь добавляет уюта. Последние пять лет эту квартиру женщина сдавала приехавшей из Ингушетии семье, о которой сейчас вспоминает с теплом и благодарностью: «Когда они заселились, тут никакого ремонта не было. Стены голые, почти развалившийся диван в углу... Я бы и ночевать не стала. Они ничего не просили купить, всё делали сами: обои наклеили, мебель привезли. В прошлом году окна заменили, а в этом съехали, ничего не забрав и не потребовав оплаты. Хорошие люди, добрые. После них девушка снимала местная, так на неё и соседи жаловались – то мусор на лестничной площадке на несколько дней оставит, то за собакой не уберёт. Верно говорят: не суди по обёртке».

Каждому по возможности

Дискриминация по национальности не заботила меня до тех пор, пока не коснулась друга. Каждый приписывает вину другому: Назар не может понять хозяев, хозяева не принимают Назара. А мне кажется, каждый прав по-своему: Назар может сам определить, где хочет жить, арендодатели вправе отдать предпочтение другому человеку, как и риелторы – решить, с кем заключать сделки, а кому отказать. Непонятны причины. А точнее – одна-единственная.

Политика, а не вкусы

Патриотизм. Именно этим словом оправдывает себя немалая часть работающих со сдачей жилья людей. Забывающих, по всей видимости, что привязанность к Отечеству должна сблизять народы, а не наоборот. У каждого, конечно, своя правда, но кричать «я патриот» в оправдание собственной чёрствости и малодушности – дрянное дело. Такой патриотизм только разъединяет, а вместе с тем – подкидывает дровишки в очаг межнациональной розни.

О вкусах не спорят, спорят о политике. Уже сейчас мне крайне интересно, чем закончится эта патриотическая история.

Миграция – мать интеграции

Музей уличного искусства открыл новый сезон масштабной выставкой и международным форумом «Через границы / сквозь ограничения: Маргинальное искусство в эпоху миграции».

**АННА
ЗЕЛЕНСКАЯ**

Под маргинальностью создатели проекта подразумевают некую неустойчивость, пограничное состояние. Это и объединяет стрит-арт с темой миграции.

– Мы постоянно скатываемся в излишний либерализм или консерватизм. Трудно найти баланс, – рассказывает организатор форума Денис Щукин. – Поэтому проблема миграции нуждается в ещё большем количестве обоснований, обсуждений, и на наш взгляд, она может быть решена с помощью культуры, искусства и различных социальных проектов.

Этнолог Игорь Савин представил на форуме свой проект «Интеграция через повседневное общение». В одном из дворов Москвы ему удалось посадить вместе за один стол таджиков, узбеков, которые работают в этом районе дворниками, официантами, и русских – жильцов того же двора. Блюда были из местного узбекского кафе, узбекский центр устроил танцы в национальных костюмах и рассказал об их культуре и традициях. Потом они и Пасху так отпраздновали: на одном

столе – куличи, на другом – плов. Такое совместное проведение досуга, по мнению Савина, помогает узнать мигрантов не как рабочих, а как людей.

Сам музей стал местом встречи людей из разных стран и культур, причём не только художников и экспертов, но и

обычных посетителей. Гостя выставки Маргарита недавно вернулась из Германии, на которую пришёл самый большой наплыв беженцев в Европе.

– Нельзя говорить, что ситуация напряженная во всей стране. Есть наиболее проблемные территории, – делится

Маргарита личным опытом. – Конечно, если вы живёте в таком районе, и перед вашим домом строят общежития для беженцев, то, может быть, ваш район становится менее чистым, вы чувствуете другие запахи, видите других людей. Но всё очень индивидуально и зависит от того, как вы к этому относитесь. Нельзя судить о всех мигрантах сразу. Каждый из них даёт нам разный опыт, как хороший, так и плохой.

Похожая мысль отразилась в совместной работе художников Брэда Дауни из США и Игоря Поносова из России. Здесь на священный российский триколор нагло влезают звёзды американского флага. А на новый флаг Новороссии с Андреевским крестом сверху прилипли серп и молот. Такое наложение символов противоборствующих стран друг на друга одновременно и высмеивает стереотипы народов друг о друге, и намекает на их исконную близость.

Охотно приковывает к себе взгляды еще одна эксцентричная работа российского художника Кирилла Кто «Непонятное». Огромным пёстрым полотном она покрывает стену музея и привлекает внимание людей к проблеме языкового барьера, невозможности и нежелания людей понимать друг друга. Здесь одно слово «непонятное» написано на разных языках мира, от английского до почти вымирающего маори. В результате такой игры получается, когда мы смотрим на какие-то иноземные иероглифы, то видим какое-то непонятное «непонятное». И проблема в том, что иногда мы, не пытаясь понять чужое, сразу его отвергаем.

Почему подобные уличные произведения считаются искусством, а не вандализмом объяснила сотрудник музея и организатор проекта Альбина.

– Нужно чётко разделять стрит-арт и граффити. Последнее подразумевает целью оставить как можно больше следов о себе, в роде «Здесь был Вася». Уличные художники же исходят из принципа «Мне есть, что вам сказать. Есть, на что обратить ваше внимание». И мы по опыту знаем, что иногда такое искусство помогает решать конкретные проблемы даже на бытовом уровне. Например, один уличный художник Витя Фрукты из Перми обыграл рывины на дорогах. Обтянул их лентой, оставил надписи «Я такая-то яма, расту прямо...» и так далее. Реакция людей и коммунальных служб была мгновенная. И подобных примеров масса. Но наша выставка пошла дальше. Мы затрагиваем глобальную проблему и надеемся, что из теории она перейдёт в практику, поможет решить проблемы современного мультикультурного общества.

На посвященной миграции выставке, сами мигранты пока являются лишь в воплощениях художников. Аудитория, в основном, – молодые люди в тренде, творческая богема, как называют их организаторы проекта, социально ориентированный слой. Поэтому, по их мнению, это хороший толчок для достижения конечной цели.

Выставка будет проходить весь сезон в Музее уличного искусства. Можно посетить экскурсию, где подробно расскажут о контексте и истории создания работ. Так же в музее регулярно проводят спектакли, лекции и мастер-классы.

Фото автора

№8 (370)

от 23 мая 2016 года
Спецвыпуск школы
межэтнической журналистики

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Главный редактор - Егор Королёв
Номер подготовлен студентами
Института «Высшая школа
журналистики и массовых
коммуникаций» СПбГУ

Верстка - Елена Попко, магистранты
под руководством Алёны
Малиновской
© Логотип - В. Бертельс